АЛИНА БЕРЕЖНАЯ

ПОКА ГОРИТ СВЕТ

Алина Бережная

Пока горит свет

«Автор»
2026

Бережная А.

Пока горит свет / А. Бережная — «Автор», 2026

Лида Орлова приезжает в Бережск, чтобы продать старый кинотеатр, доставшийся ей от деда, и вернуться к работе со звуком в Петербурге. Четыре недели, документы, несколько коробок с вещами - ей кажется, что этого хватит, чтобы привести прошлое в порядок.Но в аппаратной находится кассета с её детским голосом, а рядом оказывается Антон - человек, который знает каждую неисправность «Луча» и слишком привык всё чинить сам. Совместная работа над архивным вечером постепенно становится поводом ждать новой встречи.У Лиды есть предложение, о котором она давно мечтала. У Антона - дочь и жизнь, которую нельзя просто перевезти в другой город. Чтобы быть вместе, им придётся научиться говорить о том, чего они хотят, прежде чем начать спасать друг друга.

© Бережная А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая 5
Глава 1. Ключ от боковой двери 5
Глава 2. Тридцать восемь мест 9
Глава 3. Голос на обратной стороне 12
Глава 4. Чужая среда 15
Глава 5. Цена тишины 18
Глава 6. Места у прохода 21
Глава 7. До начала сеанса 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Пока горит свет

Часть первая
Звук пустого зала

Глава 1. Ключ от боковой двери

Ключ не поворачивался. Лида вынула его, посмотрела на неровные зубцы и попробовала ещё раз, теперь приподняв тяжёлую дверь коленом. Дед всегда говорил, что в старых зданиях нужно сначала приподнять и только потом требовать.

Замок щёлкнул.

Внутри пахло пылью, нагретой проводкой и чем-то сладким — будто в пустом кинотеатре продолжали незаметно продавать вафли. Лида поставила чемодан у стены. Колёсики оставили на полу две чистые полосы.

— Закрыто, — сказали в темноте.

Она вздрогнула так резко, что ключ упал.

На лестнице, ведущей в аппаратную, стоял мужчина с лампочкой в руке. Свет из открытого окна пересекал его лицо по диагонали; ниже оставались только серая футболка и пятно штукатурки на джинсах.

— Заметно, — сказала Лида. — Я собственница.

— А я электрик. Сегодня.

Он спустился, поднял ключ и положил на подоконник, не пытаясь сразу вложить ей в ладонь.

— Антон.

— Знаю. Дед вас упоминал.

— Вас тоже.

Она услышала возможный упрёк и заранее выпрямилась. Здесь вообще всё собиралось её упрекать: выцветшая афиша, трещина в стекле кассы, пальто деда, оставшееся на крючке. Даже собственный голос показался ей неприлично громким.

— Я приехала разобраться с документами и продажей. Оценщик будет завтра.

Антон покрутил лампочку за цоколь.

— Тогда я покажу, где течёт.

Этого она не ожидала.

Он провёл её через фойе. У входа в зал на стене висели электронные часы, отставшие на семнадцать минут. Они отставали и в её детстве. Лида вдруг вспомнила, как дед однажды снял их, заменил батарейку, повесил обратно и тщательно выставил неправильное время: бабушка привыкла приходить к нему с работы по этим часам.

Бабушки давно не было. Дед умер в январе. Теперь был август, и часы продолжали беречь удобное для них обоих опоздание.

В последнем ряду стояли три ведра.

— Временная заплатка продержится до осени, — сказал Антон. — Полностью крышу я не делал. У меня на это ни людей, ни права решать.

— Вы здесь работаете?

— Обслуживаю оборудование. По договору до конца месяца. Заодно открываю зал для киноклуба. Два раза в неделю, если приходят.

— А приходят?

— Иногда восемь. Иногда тридцать. На мультики больше.

Он говорил без нажима, и всё же Лида видела этих восемь человек, будто они сидели перед ней и ждали, какое решение она примет.

Она прошла к сцене. Половица под левой ногой отозвалась коротким скрипом. В Петербурге Лида очищала звук для документальных фильмов: убирала гул холодильников, ветер в микрофоне, чужое дыхание поверх нужной реплики. Этот скрип она узнала раньше, чем вспомнила, сколько ей было лет, когда она слышала его в последний раз.

— Здесь ещё рояль стоял.

— Пианино. В подсобке. Расстроенное.

— Дед говорил — рояль.

— Он много чего увеличивал.

На этот раз она посмотрела на Антона внимательнее. Лет тридцать пять или чуть больше. Светлые ресницы, седая прядь у виска, ободранная костяшка на правой руке. Он улыбался так, будто разрешал ей не грустить постоянно.

Лида отвернулась к экрану.

— Мне нужен кабинет.

В дедовом кабинете на столе лежала папка с надписью «ЛИДЕ». Она открыла её слишком быстро.

Внутри оказались счета, выписки, договор на вывоз мусора и инструкция к огнетушителю. Ни письма, ни последнего совета.

Стыд за собственное разочарование оказался острее печали.

— Чайник в шкафу, — сказал Антон с порога. — Розетка слева рабочая. Справа не включайте.

— Спасибо.

— И наверху окно закройте, если пойдёт дождь.

— Вы уходите?

— За дочерью. Сегодня моя среда.

Он произнёс это как самое простое объяснение в мире. Не извинился за то, что у него есть другая жизнь помимо её кинотеатра.

Лида осталась одна. Открыла ноутбук, нашла письмо покупателя и перечитала сумму. Её хватало на первый взнос за маленькую квартиру, на несколько месяцев без заказов, на ощущение, что жизнь наконец перестала держаться на честном слове.

Из окна кабинета было видно кирпичную стену соседнего дома. В жёлобе росла берёза — уже не прутик, настоящее маленькое дерево. Дед однажды прислал ей его фотографию с подписью: «Сад на крыше. Дорого». Она поставила смеющийся значок и ничего не ответила. Таких разговоров было много: фотография, значок, следующий день. Теперь ей хотелось развернуть каждый из них в долгий, обстоятельный вечер, на который тогда не хватило времени.

Телефон завибрировал у самого локтя.

— Ты где? — спросила мать.

— В кинотеатре.

— Ясно.

В этом «ясно» Лида услышала и суп, оставленный на плите, и чистое полотенце, и то, что дочь опять первым делом пошла не туда.

— Мам, я хотела сначала оставить чемодан.

Она посмотрела на чемодан, одиноко стоявший в фойе. Плохая ложь требовала продолжения, а сил на него не было.

— Я сейчас приду.

— Не спеши. Я просто спросила.

До материнского дома было двенадцать минут пешком. В детстве Лида преодолевала этот путь за семь: пересекала двор техникума, пролезала между двумя гаражами и прыгала с невысокого парапета. Теперь проход перегородили, гаражи снесли, а на парапете стояла кофейня с английским названием. Она обошла её по дороге и почувствовала нелепую обиду на город, который менялся без её разрешения.

Светлана открыла дверь до звонка. Сначала взяла у дочери сумку, потом обняла. На матери была домашняя футболка с маленьким пятном у воротника; волосы, прежде всегда собранные, она коротко подстригла.

— Тебе хорошо, — сказала Лида, коснувшись её затылка.

— Седина лучше видна.

— Я про стрижку.

— А я про результат.

Они улыбнулись одновременно, и первые несколько минут оказались почти лёгкими.

На кухне работал телевизор без звука. Лида машинально взяла пульт и выключила его. Мать положила перед ней ложку.

— Всё мешает?

— Привычка.

— Я знаю.

Суп действительно был на плите. В её прежней комнате на узкой кровати лежало полотенце, а на подоконнике — новые тапочки, ещё соединённые пластиковым шнурком. Мать подготовила всё за несколько дней и теперь делала вид, что ничего особенного не произошло.

— Сколько ты пробудешь?

— До конца месяца. Может, меньше, если быстро договоримся.

— С кем?

— С покупателем. Я говорила по телефону.

Светлана размешала сметану в собственной тарелке.

— Ты говорила, что посмотрят. Посмотреть и купить — разные вещи.

— Мам, там крыша течёт.

— Я знаю, где там течёт. Я Борису Семёновичу десять лет говорила.

Она называла своего отца по имени-отчеству, когда злилась на него или скучала. Иногда различить было невозможно.

— Он тоже хотел продать, — сказала мать.

Лида подняла глаза.

— Когда?

— Да почти каждый ноябрь. Как за отопление счёт получал. А потом кто-нибудь приносил афишу, находился какой-нибудь юбилей, и он передумывал. Не думай, что там была одна сплошная любовь к искусству. Он ругался так, что я из трубки слышала через всю комнату.

Лида рассмеялась, но мать продолжала смотреть в тарелку.

— Почему ты мне не рассказывала?

— Ты спрашивала, как здоровье. Я отвечала про здоровье.

Это была точная и потому обидная формулировка. Лида положила ложку. Ей захотелось перечислить ночные смены на монтаже, две задержанные оплаты, зимнюю температуру, с которой она ехала на похороны. Она знала, что мать всё это помнит. Именно поэтому оправдания ничего не меняли.

— Я не могу переехать сюда, — сказала она.

— Я тебя и не зову.

Они помолчали. За стеной заплакал соседский ребёнок, затем послышалась вода в трубах. В квартире матери каждый звук жил на своём старом месте, и Лида вдруг устала от собственного умения слышать.

После обеда Светлана ушла в аптеку. Лида осталась мыть посуду, хотя мать сказала не надо. В сушилке было две чашки: привычная, с отколотым краем, и незнакомая синяя. Лида подержала синюю в руке, поставила обратно. У матери вполне могли быть новые чашки.

В своей комнате она раскрыла ноутбук. На экране ждало письмо покупателя.

Она ответила: «Да, встреча в силе».

К вечеру Лида вернулась в кинотеатр за чемоданом, сходила за ключом, всё ещё лежавшим на подоконнике, и убрала его отдельно от остальных.

Глава 2. Тридцать восемь мест

Покупатель приехал с архитектором. Марина Белова носила белые кеды и не обещала сохранить кинотеатр, чем сразу расположила Лиду к себе.

— Внизу будет пекарня и торговый зал, — сказала она. — Наверху мастерские. Фасад хороший. Название можно оставить.

Над входом ржавели четыре буквы: «ЛУЧ» и крепление от давно упавшей звезды.

— Название не продаётся отдельно, — сказала Лида и сама удивилась своему тону.

— Конечно. Я просто думаю вслух.

Архитектор измерял простенки. Лида записывала вопросы в телефон. Антон открыл щитовую, показал старые кабельные каналы и вышел во двор, чтобы не стоять у них над душой.

Это тоже было неудобно. С человеком, который мешал бы продаже, можно было поссориться и почувствовать облегчение.

После осмотра Марина предложила срок: до конца августа. Позже она собиралась вернуться к другому помещению возле рынка.

— Не торопитесь из вежливости, — добавила она. — Но и не держите меня на случай чуда.

Когда они уехали, Лида нашла Антона у кассы. Он писал на листке от руки: «Суббота, 19:00».

— Что в субботу?

— Последний показ месяца.

— Вы написали «последний показ».

Антон посмотрел на листок.

— Не поместилось.

— Поместилось бы, если писать мельче.

Он взял другой лист.

Лида постояла рядом, чувствуя, что выиграла спор, которого никто не начинал.

— Я не закрываю его завтра.

— Я услышал.

— У меня нет денег на крышу.

— У меня тоже.

— Тогда почему я всё время оправдываюсь?

Антон положил ручку.

— Не знаю. Я вас не спрашивал.

Он не сказал это сердито. Оттого Лида окончательно растерялась.

В субботу она пришла за десять минут до начала, намереваясь посидеть в кабинете. В фойе женщина в зелёном платье раскладывала на блюде печенье.

— Ты Лида. Я Рита, — сказала она. — Бухгалтер, когда здесь есть что считать. Печенье бери, оно не на продажу.

— Мне нужно поработать.

— Тогда два.

Лида взяла два.

Зрителей было тридцать восемь. Она посчитала их с последнего ряда, где выбрала себе место поближе к проходу. Две девочки принесли одинаковые кофты. Пожилой мужчина уселся на третий ряд и достал подушечку для спины. Парень лет двадцати помог женщине с тростью спуститься по ступенькам, потом вернулся к своей девушке.

Никто не смотрел на Лиду. Никто не знал, что она сидит здесь с цифрой из письма покупателя в голове.

Перед сеансом в колонках загудело.

Лида подняла голову.

Гул был низкий, ровный, с хорошо знакомым грязным хвостом. Она выдержала четыре секунды и пошла в аппаратную.

Антон стоял перед стойкой усилителя.

— Земляная петля, — сказала она.

— Уже понял.

— Тогда зачем крутите громкость?

— Чтобы тридцать восемь человек не оглохли, пока я понимаю остальное.

Она протянула руку к панели, но остановилась.

— Можно?

Он отступил.

Нашёлся лишний переходник, оставшийся после чужой лекции. Антон отключил питание, Лида перестроила соединение через запасной блок развязки. Когда он снова включил систему, в тишине стало слышно, как внизу хрустят печеньем.

— Вы всегда так разговариваете, когда волнуетесь? — спросил он.

— Хуже.

— Тогда удачно, что поломка небольшая.

Она рассмеялась впервые с приезда.

Они досмотрели начало фильма через маленькое стекло. В аппаратной было жарко; вентилятор перегонял воздух с запахом металла. Антон принёс ей стул и сам сел на ящик.

— Вы здесь росли? — спросил он.

— Летами. Мама работала в больнице, меня отправляли к деду. Он разрешал объявлять сеансы.

— Я слышал запись.

Лида повернулась.

— Какую запись?

Антон показал на нижнюю полку шкафа. Там стояли коробки с кассетами, подписанные дедовым круглым почерком.

На одной было написано: «Лида. Пробы голоса. Не стирать».

Она не сразу взяла коробку. Сперва провела пальцем по надписи, будто проверяла, не свежие ли чернила.

— Вы всё это слушали?

— Немного. Борис Семёнович просил проверить магнитофон. Сначала тот жевал плёнку, потом я заменил ролик. Вашу запись он поставил, чтобы послушать, как получилось.

Лида перевернула кассету. С обратной стороны дед написал дату — июль, двадцать один год назад. Ей было одиннадцать. В тот год родители развелись, но ей сообщили только в сентябре, когда не осталось ни одной убедительной причины, почему папа всё ещё в командировке.

Она помнила то лето солнечным. Длинным, почти бесконечным. Теперь это казалось предательством по отношению к матери, которая прожила его совсем иначе.

— Хотите включить? — спросил Антон.

Лида прислушалась к фильму за стеклом. Там шёл разговор за семейным столом, и собеседники говорили один поверх другого. Хорошо записанный бытовой хаос: слышно каждое слово, но веришь, что никто не ждал своей очереди.

— Не сейчас. Мне нужен кабель, чтобы подключиться к ноутбуку. И тишина.

— Кабель найдём. С тишиной сложнее, в понедельник у соседей разгрузка.

— В воскресенье?

Антон проверил телефон, прежде чем ответить.

— После двенадцати.

Небольшая пауза была полезна: напоминала, что он не дежурит здесь в ожидании её просьбы.

Когда сеанс закончился, они вместе выключили свет в зале. Рита пересчитала чашки в фойе, посетовала, что снова исчезла самая приличная чайная ложка, и ушла. Последний зритель долго искал шапку, хотя на улице стоял август.

Лида собралась забрать кассету домой, но оставила на столе в аппаратной. Ей хотелось, чтобы первая встреча с собственным детским голосом произошла здесь. И ещё — это она признала уже на лестнице — чтобы за стеной кто-нибудь был.

На улице Лида позвонила Соне. Подруга ответила со второго раза.

— У тебя дома случайно не стоит мой синий диск?

— Стоит. На нём банка с кистями. Спасти диск или кисти?

— Там запасной архив рабочих проектов. Если понадобится, отправишь?

— Ты решила реставрировать весь город?

— Только одно здание. Пока финансово.

Соня вздохнула в трубку. В Петербурге у неё за окном прошёл трамвай: Лида услышала поворот колёс, знакомый до зависти.

— Лид, Денис спрашивал, где ты. У них запускается та реставрация, помнишь? Шесть документальных фильмов.

— Он мне не писал.

— Потому что он спрашивал меня, а не тебя. Я сказала: на семейных делах.

— Спасибо.

— Это я пока не помогла. Я помогу, если ты сейчас напишешь ему сама и не начнёшь сочинять, почему он без тебя уже всех нашёл.

Лида остановилась у тёмной витрины. В стекле отражалась женщина с телефоном возле уха и папкой, прижатой к животу. Она выглядела не так, как Лида представляла себя внутри: спокойнее, старше, немного похожей на мать.

— Ладно. Напишу.

— И поешь нормально.

— Ты сейчас говоришь как моя мама.

— Твоя мама тоже знает, что ты считаешь сыр полноценным ужином?

После разговора Лида открыла рабочую почту. Написала Денису коротко: находится в Бережске, с сентября свободна, готова обсудить проект. Отправила раньше, чем успела переделать фразу так, будто ей совершенно всё равно.

Глава 3. Голос на обратной стороне

В воскресенье Антон принёс в аппаратную маленький стол. На большом лежали инструменты, и он объяснил, что убирать их сейчас опасно: обратно всё равно не найдёт.

Лида поставила ноутбук, звуковую карту и жёсткий диск. Её собственный багаж для любого путешествия выглядел одинаково: два свитера, одни удобные брюки и достаточно проводов, чтобы открыть небольшую студию. Мать называла эту сумку «твоя работа», хотя иногда там лежало и бельё.

Магнитофон оказался кассетной декой с потёртой серебристой панелью. Антон подключил его, проверил движение ленты на ненужной кассете и отступил.

— Головки почистил. Если зажует — сразу остановить.

Лида кивнула. Пальцы у неё похолодели, как перед важной записью, только подготовиться было не к чему.

— Вы можете остаться? — спросила она.

Он ничего не сказал про то, что собирался остаться и так. Просто сел на ящик у стены.

Сначала раздалось шуршание. Потом щелчок, стук по микрофону и детский голос:

— Раз, два, три. Уважаемые посетители! Сеанс начнётся через пять минут. Просим вас...

— Погодь, — сказал дед. — Не гони.

Лида перестала дышать.

Голос был чуть выше, чем она помнила. В конце фраз он шершаво проседал — из-за сигарет, с которыми дед расстался только после второго предупреждения врача. Память сгладила эту неровность, сделала голос тёплым и безупречным. Настоящий дед прочистил горло, отодвинул что-то по столу и спросил:

— Ты куда спешишь?

— Домой, — ответила маленькая Лида. — Я обещала Нинке.

— Тогда и зрители побегут за тобой. Говори, как будто тебе здесь хорошо.

— Мне хорошо. Но Нинка ждёт.

Антон тихо засмеялся. Лида почувствовала благодарность за то, что он не превратил происходящее в траурную церемонию.

На следующей попытке она проглотила слово «посетители», на третьей оговорилась и объявила, что фильм начнётся через пять лет. Дед расхохотался, и она рассмеялась вместе с ним, сначала недовольно, потом уже не пытаясь остановиться.

Взрослая Лида сидела очень прямо. На экране ноутбука росла звуковая дорожка: неровные зубцы её смеха, длинный низкий бугор дедова ответа, пустое место, где они, наверное, посмотрели друг на друга.

— Остановить? — спросил Антон.

Она покачала головой.

После проб записи шёл обычный рабочий разговор. Кто-то принёс квитанцию. Дед искал очки, хотя другой голос уверял, что они у него на лбу. В открытое окно кричали с улицы. Потом раздался её детский вопрос:

— Деда, а если я буду работать здесь, сколько ты мне заплатишь?

— Смотря кем.

— Главной.

— Главной пока занято.

— Тогда той, которая говорит.

— Мороженым.

— Деньгами.

Дед снова засмеялся. Запись щёлкнула и перешла в пустой шум ленты.

Лида вытерла щёку рукавом, раздражённая тем, что не заметила первой слезы. Антон протянул коробку бумажных салфеток, какую держат рядом с растворителем и смазкой. Она взяла одну.

— Я забыла, что торговалась.

— Неплохо торговались.

— Он всё равно купил мороженое.

— Зато ставка была обозначена.

Лида посмотрела на него, и новая улыбка неожиданно помогла ей вдохнуть.

Пока запись оцифровывалась, они пили чай. Антон нашёл в шкафу два разных стакана; один был с подстаканником. Он автоматически поставил его перед Лидой, а она поменяла стаканы местами.

— Этот сильно греется, — объяснил он.

— Я умею ждать.

— Уже понял.

Она улыбнулась краем рта. Ей нравилось, что у него находилось занятие, пока она молчала. Он проверял контакты старого пульта и не заглядывал через плечо в экран.

На обратной стороне кассеты оказалась запись какого-то вечера: короткие речи, аплодисменты, музыка. Сначала Лида слушала вполуха, потом прибавила громкость. Люди называли друг друга только по именам, потому что в зале все друг друга знали. Мужчина спорил с ведущей, утверждавшей, что он впервые пришёл в «Луч» на индийский фильм.

— На индийский я пришёл к жене! — доказывал он под общий смех. — А кино я до этого смотрел!

— Это юбилей, — сказал Антон. — Кажется, двадцать лет назад. Там ещё есть коробка с фотографиями.

Лида остановила запись на очередном взрыве аплодисментов.

— А если сделать вечер из этого?

Антон поднял голову.

— Из кассет?

— Из голосов. Найти фотографии, записать тех, кто сюда ходил. Не длинные интервью. Как билет покупали, где сидели. Как знакомились. Звук здания тоже записать: дверь, аппаратную, дождь. Можно собрать получасовую вещь и показать в конце месяца.

Она начала говорить быстрее, уже прикидывая, сколько времени займёт чистка дорожек. И только по тому, как неподвижно сидел Антон, поняла, что произносит нечто большее, чем профессиональную идею.

— Это не значит, что я остаюсь. Или отказываюсь от продажи.

— Я ещё ничего не сказал.

— Я знаю. Но лучше скажу сейчас.

Он положил пульт на стол.

— Мне нравится идея. И я услышал про продажу. Давайте держать это рядом.

Его спокойствие давало ей возможность не отступать.

Они составили список. Рита могла найти старых работников. Фотографии были у деда и, вероятно, у городского фотографа. Надо было спросить разрешения у владельцев записей и у тех, кто захочет рассказать свою историю. Лида отдельно написала: «Никого не заставлять говорить про хорошее».

— Тогда первым запишите меня, — сказал Антон. — Я расскажу, как четыре часа искал короткое замыкание за вашим экраном.

— Что нашли?

— Мышь. И следы её насыщенной жизни.

Лида вычеркнула из рабочего названия слово «волшебство».

К трём часам у неё затекла шея. Она вышла во двор и села на ступеньку. Антон принёс два бутерброда на чистой крышке пластикового контейнера.

— У вас здесь всё предусмотрено?

— Нет. Обычно я вспоминаю о еде, когда начинает трясти.

— Профессионально понимаю.

Она взяла бутерброд. На соседнем подоконнике сушили детские кроссовки; на одном болтался ярко-зелёный шнурок. Ветер приподнимал его и отпускал. Лида следила за этим движением, пока не поймала себя на том, что ей спокойно.

— Вы давно знали деда?

— Семь лет. Сначала он заказал ремонт проектора. Потом позвонил узнать, не разбираюсь ли я в бойлерах. Потом — в дверных доводчиках.

— Разбирались?

— После его звонков — да.

Лида посмотрела на его руки. Он держал бутерброд аккуратно, двумя пальцами, чтобы не касаться еды костяшкой с ранкой.

— Он вам платил?

— Платил.

— За всё?

Антон откусил и не сразу ответил.

— Мы с ним договаривались.

Она узнала этот обходной ответ. В её профессии он обычно означал ещё одну ночь работы, которую никто не внёс в смету.

— За архивный вечер нужно тоже договориться. Если будет какая-то выручка, сначала расходы. И ваше время.

— Мы пока даже дату не выбрали.

— Значит, я вовремя.

Он посмотрел на неё уже без улыбки, внимательно, и кивнул.

Вечером Лида прислала матери небольшой отрывок записи. Ответ пришёл не сразу: «У него тут ещё молодой голос». Лида прослушала те же сорок секунд снова. Для неё дед на записи уже был старым.

Потом мать написала: «Остальное пока не присылай. Я завтра».

Лида ответила: «Хорошо». И впервые за несколько дней не добавила ничего, что должно было утешить.

Глава 4. Чужая среда

В понедельник Лида записала дверь. Во вторник — Риту. Дверь оказалась покладистее.

Рита говорила о кинотеатре так, словно давала показания против собственного мужа: любила, многое прощала, но кое-что всё-таки хотела внести в протокол. Борис Семёнович, выяснилось, забывал согласовывать бесплатные показы, покупал ненужные запчасти и однажды спрятал деньги на краску в коробку с новогодними игрушками. Деньги нашли только в декабре; стену покрасили в январе, открыв окна в двадцатиградусный мороз.

— Вот это вырежешь, — сказала Рита.

— Почему?

— Некрасиво про покойного.

— Вы же смеётесь, когда рассказываете.

Рита задумалась и разрешила оставить, если дочь Бориса Семёновича не возразит.

В среду Антон пришёл с Дашей. Лида сидела на полу фойе и раскладывала снимки на чистой бумаге. Девочка остановилась у двери и молча разглядывала незнакомую женщину, вокруг которой лежали чужие лица.

— Это Лида, — сказал Антон. — Хозяйка кинотеатра.

— Пока, — уточнила Лида и тут же пожалела.

Даша присела на корточки.

— А кто потом?

— Ещё не решила.

— Папа говорит, взрослые так отвечают, когда не хотят говорить.

— Иногда. Но я правда не решила.

Девочка приняла объяснение и показала на фотографию.

— Это ты?

На снимке одиннадцатилетняя Лида сидела на краю сцены в жёлтой футболке, колени были покрыты коричневыми корочками.

— Да.

— Почему у тебя стрижка как у мальчика?

— Я решила сама себя подровнять. Потом пришлось спасать.

Даша потрогала собственную косу и, видимо, отложила какой-то важный замысел.

Антон зашёл в пристройку за инструментами. Лида только теперь рассмотрела помещение, которое до этого принимала за склад кинотеатра. На двери висела табличка с его фамилией и часами работы. Здесь он чинил звуковую аппаратуру и небольшую бытовую технику. За верстаком стоял деревянный домик без крыши. На нём было написано: «Не выкидывать даже если выглядит как мусор».

— Твоё? — спросила Лида.

Даша кивнула.

— Папа всё время наводит порядок. Приходится предупреждать.

Лида подумала о договоре аренды, который читала среди дедовых бумаг. Продажа касалась не только киноклуба. Она поднялась с пола.

— Антон, мне нужно с вами обсудить мастерскую.

— Можно завтра? Я сейчас только забрать чемоданчик.

— Конечно.

Даша потянула его за футболку.

— Мы в магазин?

— В магазин, потом на набережную.

— Ты обещал сразу на набережную.

— Даш, мне нужны клеммы. Это десять минут.

Девочка отвернулась. Антон поставил чемоданчик на пол, провёл ладонью по лицу.

— Хорошо. Сначала на набережную. Клеммы куплю вечером.

Он сказал это с усилием, и Лиде неожиданно понравилось именно усилие. Не безукоризненное понимание с первого раза, а момент, когда человек успел остановиться.

— Ты пойдёшь? — спросила Даша.

Лида посмотрела на Антона.

— Я могу здесь закончить.

— Можете, — согласился он. — А можете поесть мороженого. Там хорошее.

По дороге Даша рассказывала о девочке из дневного лагеря, которая всем говорила, что умеет читать мысли. Проверить способности мешало то, что она отказывалась читать мысли по заказу.

— Может, условия неподходящие, — предположила Лида.

— Я тоже сказала. Пусть назовёт подходящие. Она обиделась.

Антон кашлянул, пряча смех.

У воды было прохладнее. На другом берегу темнели деревья, между ними белела лодочная станция. Лида не была здесь несколько лет и помнила набережную осыпающейся, с кривыми скамейками. Теперь появились деревянные настилы, велосипеды напрокат и высокая девушка, продававшая кофе из маленького фургона.

Город опять изменился без неё, но на этот раз она сумела не обидеться.

Даша выбрала фисташковое мороженое, попробовала и помрачнела.

— Невкусно.

— Ты сама выбрала, — сказал Антон.

Лида уже приготовилась услышать знакомое продолжение, но он протянул свой стаканчик.

— Давай меняться.

— Ты тоже не любишь фисташковое.

— Я и клубничное не очень.

Даша подумала и предложила смешать. Они сели за столик и серьёзно занимались этим несколько минут. Лида ела своё ванильное, слушая их переговоры о пропорциях.

Потом девочка убежала к подвесным качелям, где её окликнула знакомая. Антон следил за ней взглядом, но не встал.

— Вам можно перестать говорить мне «вы», — сказала Лида.

— Мне?

— Нам. Я начала не с того конца.

— Хорошо. Тогда тебе тоже.

На бумажном стаканчике у него осталась капля мороженого. Лида пододвинула салфетку, и оба почему-то посмотрели на неё, а не друг на друга.

— Ты здесь родился?

— В области. В Бережск после техникума приехал. Потом работал в большом сервисе, женился, вернулся сюда. У Ольги здесь родители.

Он произнёс имя бывшей жены просто, без обязательной паузы, которая должна была объяснить характер расставания.

— Давно вы разошлись?

— Три года. Развелись два с половиной.

Лида кивнула. Ей хотелось задать ещё вопрос, но она не была уверена, что имеет право.

— Ничего драматического, — сказал Антон, заметив её колебание. — Никто ни к кому не ушёл. Однажды оказалось, что мы разговариваем только о том, кто купит хлеб и заберёт Дашу. А потом стали ругаться даже об этом.

— Это довольно драматично.

Он посмотрел на неё.

— Да. Наверное.

Над рекой прошёл катер. Волна поднималась к берегу, ударяла о бетон и отступала с сухим, шипящим звуком. Лида достала телефон, машинально проверила, взяла ли рекордер, и остановила себя.

— Что? — спросил Антон.

— Хотела записать воду.

— Так запиши.

— Тогда я начну искать точку, где не слышно музыку. Потом попрошу вас не разговаривать. Потом испорчу всем прогулку.

— Даша умеет не разговаривать. Секунд восемь.

— Не провоцируй. Мне здесь и так хорошо.

Последняя фраза прозвучала тише. Лида не собиралась придавать ей дополнительный смысл, но Антон услышал. Она увидела это по тому, как он отложил ложечку.

С качелей прибежала Даша с просьбой дать ей двадцать рублей на автомат с мячиками. Антон сказал, что деньги на развлечения сегодня уже потрачены, и спокойно пережил её разочарование. Лида не предложила свои. Это был чужой семейный разговор, и ей хватило того, что её пригласили к столу.

На обратном пути девочка взяла отца за руку. По другую сторону от него шла Лида. Когда тротуар сужался, она отставала на шаг, и Антон каждый раз поворачивал голову, проверяя, не потерялась ли она.

Около кинотеатра он остановился.

— Завтра обсудим мастерскую, — сказал он. — Я помню.

Лида обрадовалась этому больше, чем приглашению на прогулку.

Вечером ей пришло письмо от Дениса. Он предлагал созвониться в пятницу и прислал описание проекта. Полгода работы, сложный архив, нормальная ставка. Первые недели — в студии, дальше по графику реставрации.

Лида прочитала письмо дважды. Потом увидела сообщение от Антона: фотографию двух пустых стаканчиков с подписью «Смесь тоже оказалась невкусной».

Она засмеялась. Ответила ему, затем Денису. Оба раза написала то, что действительно хотела сказать.

Глава 5. Цена тишины

На следующий день Антон принёс договор аренды и положил его на стол раньше, чем Лида успела спросить.

— До октября, — сказал он. — Если продажа состоится, я найду другое место. Мне нужно знать срок.

— Я ещё не подписывала договор с покупателем.

— Тогда скажешь, когда появится дата.

Лида открыла папку. Все платежи были отмечены. Рядом с последним лежала квитанция за расходные материалы для общего электрощитка.

— Это зачли в аренду?

— Да. Рита считала.

У неё отлегло от сердца. Она заранее ожидала обнаружить целую систему взаимных одолжений, в которой её собственность окажется самой неудобной частью.

— Я не знала, что здесь твоя мастерская. Думала, ты обслуживаешь только кинотеатр.

— На один кинотеатр не проживёшь.

— Почему не сказал сразу?

— Ты приехала с чемоданом и сразу сообщила о продаже. Я решил, что список моих обстоятельств может подождать.

Лида провела пальцем по уголку договора. Он был прав, но это не делало положение приятнее.

— Теперь не жди. Если что-то касается нас обоих, говори.

— Хорошо.

Слово вышло коротким, деловым. Она запомнила его именно поэтому.

К полудню приехали двое специалистов смотреть крышу. Они поднялись наверх, спустились, попросили старые чертежи и поднялись снова. Лида ждала внизу, не пытаясь понять по лицам, насколько плохи дела. У неё был опыт общения с людьми, которые оценивали чужую технику: сосредоточенность могла означать и катастрофу, и желание поскорее пообедать.

Антон ходил с ними. Когда они вернулись, на его футболке появилось ещё одно белое пятно.

— Окончательно посчитаем к понедельнику, — сказал старший. — Полный ремонт — серьёзная сумма. Временный вариант тоже не бесплатно. И прежде чем открывать что-то наверху, нужно отдельно обследовать перекрытие. Мы сейчас только кровлю смотрели.

Он назвал порядок цифр.

Лида переспросила не потому, что не расслышала. Ей понадобилось произнести сумму самой, чтобы она приобрела вес.

После их отъезда она достала банковское приложение. Денег на личном счёте было достаточно, чтобы несколько месяцев не паниковать, если один из заказчиков снова задержит оплату. Для здания эта сумма была почти неразличима.

— Есть что-нибудь менее срочное? — спросила она у Антона.

— Фасад. Часть окон. Косметика в фойе.

— Отлично. Значит, то, что видно, ещё может подождать.

Он не стал её подбадривать.

Они перенесли таблицу расходов на большой монитор. Рита пришла с тетрадью и термосом. Полтора часа они составляли картину, которую никто из них не хотел видеть целиком. Билеты киноклуба покрывали только часть текущих затрат. Иногда дед добавлял свои деньги, иногда переносил платежи, иногда сдавал зал для чужих мероприятий. Последние месяцы

«Луч» жил за счёт небольшого остатка на отдельном счёте и того, что электрическое отопление летом было не нужно.

— Сколько раз в месяц можно собрать полный зал? — спросила Лида.

— Лучше считать по среднему, — сказала Рита. — Полный у нас бывает на выпускном и когда кто-нибудь знаменитый умирает.

Антон поднял глаза.

— Рита.

— А что? Мы же деньги считаем, не открытку пишем.

Лида добавила строку со средним числом посетителей. Итог стал ещё хуже.

В три часа пришёл Сергей Павлович, руководивший местным краеведческим кружком. Его пригласили обсудить фотографии для архивного вечера, но он увидел таблицу и сел с видом человека, которого давно ждали.

— Ну, наконец серьёзно взялись, — сказал он. — Горожане поддержат. Надо только объявить, что «Луч» остаётся.

— Мы этого не объявляли, — ответила Лида.

— Так объявите. Люди пойдут. Ваш дед прекрасно понимал, что такое ответственность перед городом.

Лида почувствовала, как в плечах собирается знакомое напряжение. Чтобы ответить спокойно, пришлось сцепить руки под столом.

— Мой дед много лет покрывал расходы, которые кинотеатр не зарабатывал. Я не могу продолжать это бесконечно.

— Никто не говорит бесконечно. Вы молодая. Работаете в столице.

— В Петербурге.

— Ну вот. Возможности другие.

Рита поставила термос на стол с таким стуком, что все повернулись.

— Сергей Павлович, назовите сумму.

— Какую сумму?

— Которую ваш кружок готов платить за аренду. Вместо разговоров о её молодости.

Он обиделся. Начал объяснять, что деятельность общественная, средства ограничены, а сама постановка вопроса слишком коммерческая.

Лида слушала и вдруг понимала, что больше не злится. Перед ней сидел человек, который искренне любил старый кинотеатр и точно так же искренне хотел, чтобы за его любовь заплатил кто-нибудь другой.

— Я помогу с вашим вечером, — сказал Антон, — если договоримся по времени. Но решение о здании принимает Лида. Мы не можем обещать посетителям то, чего она не обещала нам.

Сергей Павлович перевёл взгляд на него.

— От тебя не ожидал.

— Я знаю.

Фотографии он всё-таки оставил. Лида проводила его до двери, поблагодарила и взяла контакты людей, у которых нужно спросить разрешения на показ. Когда вернулась, Антон и Рита молча ели печенье над таблицей.

— Это теперь ваш способ справляться с кризисом? — спросила она.

— Старый, — сказала Рита. — Проверенный.

Лида взяла печенье.

К вечеру Антон показал ей два объявления о помещениях для мастерской. Одно находилось далеко от центра, другое было слишком дорого, но зато с отоплением и отдельным входом.

— Я начну смотреть на следующей неделе, — сказал он.

Лида хотела ответить, что не надо торопиться. Она почти произнесла это. Потом увидела, сколько облегчения принесло бы ему такое обещание, и удержалась.

— Хорошо. Если у меня появится ясность, сразу сообщу.

Антон убрал телефон.

— Спасибо.

Она не знала, за что именно он благодарит.

В пятницу Денис позвонил ровно в одиннадцать. Лида ушла в дедов кабинет, закрыла окно и надела наушники. До разговора она собиралась предложить максимально удобные условия: работать в любые часы, быстро приехать, выполнить пробное задание бесплатно. Это была привычная подготовка к встрече с возможностью, которую страшно потерять.

Денис начал с другого:

— Я слушал твою работу по «Береговой линии». Хорошо разобралась с натурным звуком. Нам как раз нужен человек, который не вычистит из фильма всё живое.

Лида посмотрела на кассеты в шкафу.

— Расскажи про материалы.

Они говорили сорок минут. Часть фонограмм сохранилась в плохом состоянии; некоторые фрагменты нужно было собирать из разных источников. Работы было много, и она требовала присутствия в студии, особенно в начале. Денис не обещал постоянную должность, зато называл конкретный срок и конкретную оплату.

— Сможешь приехать во вторник? Познакомишься с группой, посмотрим одну катушку вместе.

— Смогу.

Слово далось легко. После звонка Лида несколько минут сидела неподвижно, прислушиваясь к непривычной радости. Она ждала, что та немедленно смешается с виной. Пока этого не происходило.

Антон постучал, когда она уже выбирала билет.

— Не помешаю?

— Нет. Меня позвали на работу. То есть пока на встречу, но проект хороший.

Он улыбнулся. Она успела заметить эту первую, неподготовленную улыбку, прежде чем он спросил:

— В Петербург?

— Да. Во вторник. Потом вернусь, закончу наш вечер. Сам проект с сентября.

— Здорово, Лид.

— Правда?

Он прислонился к косяку.

— Правда. Я умею одновременно радоваться и расстраиваться.

Она посмотрела на него дольше, чем требовал разговор о работе.

— Из-за мастерской?

Антон опустил глаза, улыбнулся одному себе и снова поднял.

— Сейчас не из-за мастерской.

За стеной зазвонил телефон. Рита громко ответила, что билеты пока не продаются, дату объявят отдельно. Обычная работа продолжалась в нескольких шагах от них, и это позволило Лиде выдержать паузу.

— Мне тоже будет жаль уезжать, — сказала она.

Антон кивнул. Не подошёл ближе, не превратил признание в требование следующего.

После его ухода она купила билет. Потом распечатала его на дедовом медленном принтере и положила рядом с листом, где записывала имена будущих собеседников для архива.

Оба дела помещались на одном столе.

Глава 6. Места у прохода

Лев Константинович жил в посёлке за рекой. Рита сказала, что у него сохранились записи нескольких вечеров и что ехать лучше с утра, пока он не начал объяснять соседу устройство бензокосы. Если начал, ждать можно до обеда.

В субботу Антон заехал за Лидой в половине десятого. У его машины не открывалось заднее левое окно, а на приборной панели лежала маленькая пластмассовая лиса.

— Даша? — спросила Лида.

— Подарила мне талисман. Потом потребовала вернуть. Потом снова подарила.

— Сейчас какой этап?

— Временное пользование.

Лида пристегнулась. Он не включил музыку, и она оценила это спустя несколько минут, когда заметила, что не пытается мысленно исправить чужой звук.

За городом начались поля. Подсолнухи уже стояли тяжёлые, тёмные, отвернувшись от дороги. Местами трава выгорела до серого. Погода обещала дождь, но не торопилась его давать; небо с утра давило низкими облаками, сквозь которые просачивался ровный свет.

— Ты всегда выбираешь место у прохода? — спросил Антон.

— Где?

— В зале. Я заметил. Даже когда пусто.

Лида посмотрела на него.

— Чтобы можно было выйти.

— Понятно.

— Не потому, что кино плохое. Бывает, нужно ответить на звонок. Или я начинаю слышать, как человек за мной дышит носом, и не могу перестать.

— Сложная у тебя жизнь.

— Ты даже не представляешь.

Он свернул на узкую дорогу. Колёса зашуршали по мелкому гравию.

— В детстве дед сажал меня в середину третьего ряда, — добавила Лида. — Говорил, там правильнее слышно. А я всё время считала, через сколько коленей придётся перелезать.

— Можно было попросить другое место.

— Конечно. Только я считала, что это будет невежливо. Он же выбрал лучшее.

Антон ничего не ответил. Лида боялась, что её признание прозвучало слишком значительным, но он просто следил за дорогой: впереди ехал велосипедист с двумя большими пакетами на руле.

Лев Константинович встретил их у ворот с отвёрткой. Лида решила, что предупреждение Риты сбылось, однако оказалось, что он чинит собственный почтовый ящик.

— Калитка слева, осторожно, она без доводчика. Антон знает. Ботинки не снимайте, Ада всё равно велит снять.

Ада велела.

В доме пахло яблоками и варёным кофе. В гостиной стояли книжные шкафы, пианино и два кресла, накрытые разными пледами. На подоконнике зрели помидоры. Лида поставила рекордер и сразу спросила, где удобнее разговаривать.

— Здесь. Я специально сидел у окна, вспоминал, — сказал Лев Константинович.

— Он два дня репетировал, — сообщила Ада. — Я уже всё слышала.

— Ты можешь не слушать.

— Я могу поправлять.

Антон пошёл помочь с заедающей дверцей кухонного шкафа. Лида хотела напомнить, что они приехали за записями, но промолчала: он сам спросил Аду, почему дверца подвязана шнурком.

Интервью началось с даты первого концерта в «Луче». Лев Константинович называл один год, Ада другой. Они спорили минут десять, приводя в качестве доказательств возраст племянницы, купленную тогда стиральную машину и цвет платья, в котором Ада выступала.

— Давайте оставим обе версии, — предложила Лида.

Супруги посмотрели на неё с одинаковым недоверием.

— А какая польза зрителю от неправильной? — спросил Лев Константинович.

— Он услышит, как вы помните один вечер по-разному.

Ада рассмеялась.

— Это он ещё не слышал, как мы помним предложение руки и сердца.

Оказалось, что Лев Константинович много лет преподавал музыку и писал небольшие пьесы для школьных постановок. Одну из них играли в «Луче» на вечере выпускников. Запись сохранилась на катушке, а ноты — в папке, обёрнутой газетой. Он долго искал именно эту папку, хотя Лида объясняла, что сегодня достаточно увидеть, что у него есть.

— Если пришли, надо сделать, — сказал он.

Из кухни донёсся такой же уверенный ответ Антона на вопрос Ады о шкафе. Лида невольно улыбнулась.

Когда разговор закончился, она выключила запись. Ада поставила перед ними яблочный пирог и посмотрела на мужа:

— Про Серёжу не отдавай.

Лев Константинович кивнул. Лида не знала, кто такой Серёжа, и не стала спрашивать.

Они перебрали коробки. На одной кассете было написано «Дом. Не стирать». Лев Константинович убрал её в отдельный ящик прежде, чем Лида успела отвернуться.

— Эту не надо, — сказал он. — Там наше.

— Конечно.

Она отметила в списке только те записи, которые он разрешил использовать, договорилась прислать отобранные отрывки перед показом. Человек, пригласивший её к себе, не становился из-за этого обязанным отдавать весь свой голос.

Обратно они ехали под дождём. Антон убавил скорость, дворники работали с лёгким стуком. Кассеты лежали в пакете у Лиды на коленях.

— Ты заметил, они не хотели, чтобы я трогала домашние записи?

— Они сказали.

— Я знаю. Просто я привыкла думать: если что-то сохранилось, надо спасать.

— А не надо?

Лида провела ладонью по шершавому пакету.

— Не всё должно становиться чужим.

Антон кивнул. Некоторое время слышались только дождь и дворники. Потом он спросил:

— Ты свои фильмы снимаешь?

Лида почти автоматически приготовилась к объяснению, почему чужая работа не менее важна.

— Нет. Я работаю со звуком.

— Я понимаю. Просто когда ты рассказывала про вечер, у тебя всё уже было в голове. Что человек услышит сначала, что потом.

Она посмотрела на мокрую дорогу.

— Когда-то хотела. Небольшие документальные вещи. Потом начались заказы. Они требуют всего времени, если разрешить.

— Разрешила?

— Очень убедительно разрешила.

Он улыбнулся, но не сказал, что никогда не поздно, и не предложил завтра же изменить жизнь. Лида была ему благодарна за отсутствие готового утешения.

У придорожного кафе они остановились на обед. Антон выбрал столик у окна; Лида села с краю дивана. Он посмотрел, но ничего не прокомментировал.

За соседним столом мужчина терпеливо уговаривал маленького сына съесть суп. Лида услышала голос прежде, чем слова: усталость, крошечную злость, попытку остаться ласковым. Ей захотелось снять наушники, хотя наушников на ней не было.

— Ты устала, — сказал Антон.

— Немного.

— Можем взять с собой.

— Нет. Я хочу сидеть здесь.

Она хотела добавить «с тобой», но пока не сумела. Вместо этого спросила, что он любит делать, когда ничего не чинит.

Антон задумался надолго.

— Плавать, — сказал наконец. — Раньше ходил в бассейн.

— Когда раньше?

— В прошлом году тоже ходил. Пару раз.

— Серьёзное увлечение.

— Не издевайся. Я ещё умею собирать шкафы с лишними деталями.

— Это снова работа.

Он положил руки на стол, посмотрел на них и усмехнулся.

— Похоже, мне нужно подумать.

После обеда дождь кончился. Они могли вернуться в кинотеатр, разобрать кассеты и заняться делами до ночи. Антон стоял у машины и крутил в пальцах ключ.

— Тут дальше есть старый причал, — сказал он. — Там ничего особенного. Если хочешь, можем пройтись.

— Хочу.

Она ответила слишком быстро, и оба это услышали.

На причале действительно не оказалось ничего особенного: потемневшие доски, покрышки вдоль борта, мокрая скамейка. Лида подложила пакет под кассеты, а сама села на край, не пожалев брюк. Антон сел рядом, оставив между ними место шириной в ладонь.

Над водой тянулся прохладный воздух. Они смотрели, как лодка пересекает реку. Когда лодка скрылась за поворотом, смотреть стало не на что, но уходить всё равно не хотелось.

— Я давно так не сидела, — сказала Лида.

— На мокром?

— Без причины.

Антон повернулся к ней.

— У меня причина есть.

Она опустила глаза на его руку возле своей. Между пальцами было совсем немного потемневшей доски. Ей хотелось коснуться его и страшно было сделать это так, будто случайно.

Поэтому она протянула руку открыто.

Антон посмотрел на их соединённые пальцы, потом на неё. Его ладонь была тёплой. Он не притянул её к себе, и это позволило Лиде придвинуться самой.

Они просидели так, пока на другом берегу не включились первые фонари.

Возле её дома Антон заглушил мотор. Лида отстегнула ремень, взяла пакет, снова поставила его на колени.

— Спасибо за сегодня.

— Тебе тоже.

Она могла выйти. Всё необходимое уже было сказано. Вместо этого осталась сидеть ещё несколько секунд.

— Завтра я почти весь день в кинотеатре, — сказала она.

— Я тоже.

Лида посмотрела на него, и оба рассмеялись своей удивительной способности обсуждать расписание в любую минуту.

Она вышла из машины раньше, чем успела испугаться того, как сильно ждёт воскресенья.

Глава 7. До начала сеанса

В воскресенье Лида проснулась до будильника. Некоторое время лежала, прислушиваясь к квартире. На кухне мать разговаривала по телефону. Голос у неё был негромкий, с непривычными длинными паузами, будто собеседнику не нужно было всё время помогать продолжать разговор.

Лида встала, но не пошла сразу на кухню. Подождала, пока за стеной не послышится звук отодвинутого стула.

Светлана резала помидоры. Рядом стояли две чашки, и Лида снова заметила синюю.

— Ты сегодня работаешь? — спросила мать.

— В кинотеатре.

— Я поняла, что не в больнице.

Лида села за стол. В материнской шутке не было привычной колкости, только сонная утренняя лёгкость.

— Во вторник поеду в Петербург. На пару дней. Мне предложили проект.

Светлана положила нож.

— Хороший?

— Очень. Если договоримся.

— Тогда надо ехать.

Ответ оказался настолько простым, что Лида не сразу нашла следующий.

— Я думала, ты расстроишься.

— Я расстроюсь. Но это не причина тебе не ехать.

Мать подвинула к ней тарелку и принялась вытирать стол, на котором и так было чисто.

— Ты когда говоришь со мной, всё время ждёшь, что я запрещу, — сказала она. — А я уже давно ничего не могу тебе запретить.

— Не в этом дело.

— Может, и не в этом. Тогда скажи, в чём.

Лида посмотрела на свои руки. Ей хотелось объяснить сразу всё: как тяжело слышать в каждом вопросе не произнесённое вслух «а как же я», как давно она живёт так, будто её собственная жизнь временно разрешена близкими. Но слова были слишком большими для утра и пахнущего помидорами стола. Кроме того, они описывали не только мать.

— Я боюсь тебя разочаровать, — сказала она наконец.

Светлана перестала вытирать стол.

— Лид, я иногда бываю недовольна. Это переживаемо.

Лида засмеялась. Не оттого, что стало легко; просто фраза прозвучала в точности маминым голосом, без попытки сделаться кем-то более мудрым.

Они позавтракали. Перед уходом Лида спросила, можно ли использовать в программе дедову запись, которую она прислала. Мать разрешила, но попросила предварительно показать, какие фотографии будут рядом.

— Только не ту, где он спит на стуле с открытым ртом.

— Она самая живая.

— Вот живые пусть так и фотографируются. А я ему сорок лет говорила, чтобы сел нормально.

В кинотеатре Лиду ждали Рита и Марина. Встречу с покупательницей Лида назначила накануне, когда пересматривала таблицу расходов и заметила, сколько места занимают помещения, почти не связанные с залом.

Марина приехала без архитектора. На этот раз на ней были тёмные брюки и яркий зелёный свитер. Она поставила на стол контейнер с булочками.

— Образцы, — объяснила она. — Пекарь экспериментирует. Не считайте авансом.

Лида показала ей план первого этажа.

— Вы готовы рассмотреть аренду вместо покупки?

— Готова рассмотреть. Готова ли согласиться — другой вопрос.

Они говорили почти два часа. Выяснилось, что Марине интересна только часть помещений, что ей нужен собственный вход, что кухня потребует переделок и что вложения в чужое здание должны быть защищены понятным договором. Кинозал мешал не своей идеей, а звуком, расписанием поставок и общими расходами на отопление.

Рита записывала. Лида впервые радовалась каждому конкретному возражению: с ним можно было что-то делать. Обещание спасти любимое место не помещалось ни в одну графу, а стоимость двери и сумма аренды помещались.

— Я не обещаю работать с вами из сентиментальности, — сказала Марина под конец. — Но у вас интересный объект. Если удастся разделить потоки и расходы, можно считать.

— До конца августа?

— Да. Моё предложение о покупке пока остаётся. По аренде нужны другие расчёты. Я не хочу, чтобы вы услышали моё «можно считать» как «всё получилось».

— Не услышу.

После её ухода Рита разрезала последнюю булочку пополам.

— Ну что, совсем не безнадёжно.

— Совсем не бесплатно.

— Это мы ещё в четверг выяснили.

Антон пришёл в начале четвёртого. Лида увидела его из окна раньше, чем он увидел её. Он остановился у входа, ответил на сообщение, убрал телефон и поднял голову. Она не успела отойти от стекла.

Он улыбнулся.

Из-за этой улыбки длинный деловой день внезапно изменился целиком. Лида сердито одёрнула себя, потом перестала: ей было тридцать два года, она могла позволить себе обрадоваться человеку.

— Как прошло? — спросил он, войдя.

Она рассказала про Марину, расчёты, возможную аренду. Антон слушал, положив ладони на спинку стула.

— Если получится, это хороший вариант.

— Пока он только на бумаге. Я согласна попробовать посчитать работу до зимы, но не хочу снова тратить деньги, пока все надеются на чудо.

— Давай без чуда.

— И без бесплатного героизма. Твои часы тоже в смете.

Антон посмотрел на неё, потом на таблицу.

— Напиши туда ещё место для твоих часов.

Лида открыла рот, чтобы возразить, что она собственница. Закрыла. Добавила строку.

Они работали над программой до вечера. Поскольку полноценная оцифровка катушек требовала другого оборудования, пока отобрали кассеты и фотографии. Антон подключил ноутбук к проектору. Лида выставила уровень звука и несколько раз прошла по пустому залу, проверяя, как звучит речь в разных рядах.

Он следил за ней из аппаратной. В стекле отражалось его лицо, и она не всегда понимала, видит его самого или собственное ожидание.

На экране появился старый снимок фойе. Десятки людей в пальто, приоткрытая дверь кассы, дед у стены. Лида пустила поверх фотографии короткий фрагмент интервью Риты — про забытые деньги на краску. Когда голос остановился, в зале остался едва слышный шум кассетной ленты.

— Не убирай его совсем, — сказал Антон из динамика внутренней связи.

— Шум?

— Да. Без него как будто человек слишком близко стоит.

Лида подняла голову к аппаратной.

— Я тоже так думаю.

Они прогнали ещё несколько фрагментов. Некоторые не работали: люди говорили интересно, но долго; фотография не соответствовала рассказу; шутка теряла смысл без объяснения. Лида вырезала лишнее, переставляла, слушала заново. Это была настоящая работа, и её радость не имела отношения к тому, останется ли кинотеатр навсегда.

В девять Антон принёс еду из ближайшей столовой. В пакете были два контейнера, приборы и чек.

— Делим? — спросил он.

— Да.

Лида перевела ему половину. Ей понравилось, что простой вопрос избавил обоих от маленького спектакля о том, кто обязан угощать.

Они ели в третьем ряду, положив контейнеры на складные столики, которые Антон вынес из подсобки. Экран оставался светлым; на нём застыл фрагмент фотографии с чьей-то рукой у края кадра.

— Я хочу кое-что сказать, — начал Антон.

Лида поставила контейнер.

— Теперь я нервничаю.

— Я тоже. Поэтому начну с конца. Мне хорошо с тобой. И я не хочу делать вид, что это только потому, что ты отлично нашла неисправный переходник.

Она засмеялась и тут же стала серьёзной.

— Мне с тобой тоже хорошо.

— Я знаю, что ты уезжаешь.

— На встречу вернусь. Потом да, уеду работать. Если договоримся.

— Слышу.

Он сказал это без прежней лёгкости. Лида заметила, как его большой палец проводит по шву бумажной салфетки.

— Я не могу сейчас обещать, что потом перееду обратно, — добавила она. — Даже если кинотеатр останется. И не хочу, чтобы получилось, будто я обещала, просто потому, что нам было хорошо.

Антон посмотрел на экран. Свет делал его профиль резче; усталость вокруг глаз стала заметнее.

— А я не могу легко уехать отсюда. Даша здесь. Работа. Я не знаю, как это делать на расстоянии.

— Я тоже.

На минуту разговор остановился. Им обоим было достаточно лет, чтобы знать: взаимное желание не решает расписание поездов, чужое детство и оплату жилья. Лида почувствовала соблазн сказать что-нибудь большое и успокаивающее. Вместо этого взяла его за руку, как вчера у реки.

— Можно пока не делать вид, что мы всё знаем?

Он повернулся к ней.

— Можно.

Они убрали еду, сложили столики и выключили проектор. Антон остался ждать у выхода из зала, пока Лида забирала телефон с третьего ряда. Когда она подошла, он не открыл дверь сразу.

— Я хочу тебя поцеловать, — сказал он.

У неё мгновенно пересохло во рту. Она кивнула, потом, услышав, как жалко шуршит её дыхание, ответила:

— Да.

Он коснулся пальцами её щеки. Неуверенность этого первого движения оказалась трогательнее любой уверенности, которую она успела вообразить. Лида подняла руку к его плечу и почувствовала под тонкой тканью тепло кожи.

Первый поцелуй был коротким. Она успела различить запах мыла и едва заметную горечь чая. Потом Антон отстранился настолько, чтобы увидеть её лицо.

Лида не стала искать слова. Придвинулась сама, обняла его за шею, и второй поцелуй оказался совсем другим — с неловким столкновением носов, тихим смехом и внезапной жадностью, от которой стало трудно помнить, где они стоят.

За спиной Антона сработал доводчик. Дверь медленно прижала к стене забытый веник.

Лида засмеялась ему в плечо.

— У тебя здесь всё вмешивается.

— Я могу починить.

— Не надо сейчас.

Он обнял её крепче. Некоторое время они просто стояли в тускло освещённом коридоре. Лида слышала его дыхание возле виска и думала, что впервые за много дней не хочет ничего в этом звуке менять.

До дома они дошли пешком. Машина осталась у кинотеатра. У подъезда Антон поцеловал её ещё раз и отпустил первым, хотя по его лицу она видела, что это далось не сразу.

— Завтра? — спросил он.

— Завтра.

Дома мать уже спала. Лида тихо закрыла дверь и прошла в свою комнату. На кровати лежала открытая сумка; сверху — чистая рубашка для встречи в студии. На телефоне светилось уведомление о купленном билете.

Она поставила будильник, проверила время поезда и аккуратно сложила рубашку, чтобы не помялась.

Потом пришло сообщение: «Дошёл. Всё ещё улыбаюсь».

Лида села на край кровати. Набрала длинный ответ, стёрла и написала всего два слова:

«Я тоже».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.